

УДК 94(574)(092) + 316.722 + 316.61

М. В. Шиловский

**ЧОКАН ВАЛИХАНОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЛИЧНОСТИ В ПАРАДИГМАХ ФРОНТИРА**

С использованием концептов теории огораживающего фронта анализируются жизненный путь, научные наработки и взгляды выдающегося казахского ученого и просветителя Ч. Ч. Валиханова на проблему взаимодействия русских и казахов в процессе инкорпорации Степного края в имперское пространство России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фронт; цивилизационный диалог; патриотизм; западничество; просветительство.

Курс на приобщение аборигенных этносов Сибири к западной модели цивилизационного развития во второй половине XIX в. привел к социокультурному расколу внутри формирующихся национальных элит, отстаивавших альтернативные модели национального самосознания, сориентированные не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии, исповедующих буддизм (панмонголизм) или ислам. Однако значительная часть аборигенов делала сознательный выбор в пользу русского образа жизни и культурного развития. Результатом этого стало появление в «инородческой» среде первых выдающихся представителей интеллигенции, ориентирующихся на западную цивилизацию: М. Н. Богданов, Н. Ф. Катанов, С. Д. Майнагашев, Г. Г. Гуркин, Ч. Ч. Валиханов, А. Н. Букейханов, К. Г. Неустроев, В. В. Никифоров и др.

В качестве примера остановимся на деятельности Чокана Чингисовича Валиханова (Мухаммед Канафия) (1835–1865), используя концепцию огораживающего фронта. Начиная с декабристов и кончая евразийцами Сибирь трактовалась как место встречи двух цивилизаций — Востока и Запада. Так, Г. С. Батеньков «не просто противопоставляет Европу Азии, а говорит об их синтезе в культуре Сибири» [Канунова, с. 101]. Непосредственно за Уралом в роли буферной социальной группы между русскими и казахами (киргизами) выступали казаки, активно усваивающие элементы культуры сопредельного этноса. Поэтому не случайно выходец из казачьей среды Г. Н. Потанин стал ближайшим другом и сподвижником моего героя.

Именно он первым попытался определить место своего товарища в цивилизационном диалоге русского и казахского этносов. «...В сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом, — писал Григорий Николаевич, — в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и инородческих, и два патриотизма — общий и частный — легко уживались в одном человеке» [Потанин, 1896, с. 78]. Вслед за ним Л. Н. Гумилев отмечал, что «знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом» [Гумилев, с. 55].

В свою очередь, и Ч. Ч. Валиханов был подготовлен к межцивилизационному диалогу на личностном уровне. Начиная с Абылай-хана (1711–1781) род

Валихановых активно контактировал с российскими властями и подвергался воздействию русской культуры. В 1831—1834 гг. в Омске в Войсковом казачьем училище обучался его отец, султан Чингис. Феномен Валиханова состоит в том, что он, окончив военно-учебное заведение, стал кадровым офицером русской армии, активным участником процесса инкорпорации своей родины в имперское пространство России. Одновременно с ним на государственной службе находились многие инородцы, в том числе его родственник Султан-Газы Валиханов, дослужившийся до полковника, или султан Альмухаммед Сейдалин, который в чине штабс-ротмистра в 1860 г. сопровождал казахскую делегацию в Петербург. Чокан Чингисович стал не только первым казахом, органически интегрированным в русскую культуру. Он был человеком высочайшего интеллекта, опровергая досужие измышления о неспособности кочевников к цивилизованному развитию вообще.

Мой герой совершил своеобразный «прорыв» в представлениях многих образованных россиян об уровне интеллектуального развития аборигенов Азиатской России. «Здесь надо заметить, — писал по этому поводу его современник С. Я. Капустин, — что как коренной сибиряк, так приезжий в Сибирь русский человек еще не могли смотреть на киргиза как на равного себе, как он смотрит на немца, француза, еврея, итальянца. Самый гуманный сибиряк и россиянин относятся к инородцу как взрослый к ребенку. Это самое, так сказать, христианнейшее отношение, доступное немногим; большинство русских способно видеть в киргизе человека, отталкивающего от себя, нежели привлекающего. Но Чокан Валиханов своей вежливостью так невольно заставлял считать себя братом, да еще близким, нежели иной русский одного с вами круга, товарищ ваш с детства и по учебному заведению... [У него было много] общечеловеческого» [Капустин, с. 560].

Г. Н. Потанин, как его единомышленник Н. М. Ядринцев, в рамках разработки концептов сибирского областничества по инородческому вопросу отвергал выводы о неизбежности полного вымирания аборигенных этносов Сибири вследствие отставания их экономического и культурного развития. На основе наработок Валиханова Ядринцев, например, характеризовал казахов как «замечательный народ, к которому очень легко может привиться европейская цивилизация» [Ядринцев, 1980, с. 29]. В последней по времени попытке определить мировоззренческие позиции моего героя утверждается, «что, несмотря на весь свой европеизм, Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин так и не смогли окончательно оторваться от берега “традиционализма”. Фактически они всю жизнь шли между двумя берегами — западничеством и традиционалистским» [Селиверстов, Кузгумбаева, с. 122].

Можно согласиться с историками из Казахстана в вопросе о наличии у Валиханова и Потанина некоей срединной позиции между упомянутыми концептами цивилизационного развития, обусловленной, на мой взгляд, как раз ситуацией фронта. Оба они мечтали улучшить положение русского и аборигенного (казахского) населения Азиатской России. В письме к Ф. М. Достоевскому от 15 октября 1862 г. Чокан Чингисович сообщал: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя [работе на] пользу соотечественникам,

защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили мнение о русском воспитании» [Валиханов, 1968, т. 4, с. 63].

При этом Валиханов четко выстраивал систему мировоззренческих приоритетов, которые Потанин характеризовал следующим образом: «Народ свой он любил, что бесспорно; с прислугой из казахов, с казахами-просителями он обходился не всегда гуманно и теплых чувств, может быть, к казахскому простонародью не питал, но он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой. Он говорил, что прежде всего любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество; одна любовь заключена была у него в другую, как те кунгурские, один в другой вставленные сундуки, которыми знатные люди в Средней Азии любили одаривать друг друга» [Потанин, 1968а, с. 325]. С этих позиций Валиханов решительно отвергал и опровергал расхожие представления о номадах как «грубых скотоподобных варварах», осуждал чиновничий произвол, грабительские поползновения по отношению к ним казаков и настаивал на проведении таких реформ, которые «способствуют улучшению быта человека»: «в этом заключается так называемый прогресс» [Валиханов, т. 1., с. 98, 495; т. 4. с. 31].

Мой герой был последовательным противником попыток насильственного воздействия с целью изменения религиозных верований аборигенов. Дело в том, что в XVIII — начале XIX в. казахи, при сохранении традиционных верований, подвергались массивной обработке со стороны проповедников ислама. Причем в его насаждении в Степном крае большую роль сыграли российские власти, используя мусульманское духовенство из числа татар. Целью акции являлось стремление способствовать седентаризации и ограждению казахов от влияния миссионеров из Средней Азии. При этом, по справедливому замечанию Г. Султангалиевой, «в течение XVIII века “татарский” мулла выступал в роли связующего звена между российской властью и казахской знатью, а “татарский” язык служил одним из языков дипломатической переписки и устного перевода при сношениях правительства и его региональных структур, с одной стороны, и казахской Степи — с другой» [Султангалиева, с. 26].

Ч. Ч. Валиханов констатировал чисто внешнее распространение ислама в казахском обществе до вступления в русское подданство, «апостолом Магомета в Сибирской степи» образно назвал М. М. Сперанского и негативно оценивал искусственное насаждение этой конфессии русскими властями. «Татарское духовенство, — отмечал он, — которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ» [Валиханов, т. 4, с. 518—519]. В одной из последних своих работ «О мусульманстве в России», продиктованной им незадолго до смерти, он с тревогой обращал внимание на негативное воздействие религиозного фанатизма на цивилизационное взаимодействие русских и казахов: «Киргизы наши теперь более чуждаются русского

просвещения и русского братства, чем прежде» [Там же, с. 526]. Данное обстоятельство позднее констатировал Г. Н. Потанин [см.: Потанин, 1896, с. 81], а хорошо знавший обоих Н. М. Ядринцев в 1866 г. писал: «В то же время в степи с каждым годом усиливается миссионерская деятельность бухарских мулл, которые проповедуют под именем ислама религиозную и национальную нетерпимость, развивают в народе ханжество и, что всего печальней, неприязнь к европейскому просвещению. Благодаря этим учителям, у киргиз начинается мнение, что изучение европейской науки угрожает потере национальности и противорелигиозно» [Ядринцев, с. 30].

Будучи «по своим умственным симпатиям и направлениям» западником [см. об этом: Потанин, 1968б, с. 642], в повседневной жизни Валиханов придерживался обычаев и традиций казахской знати. Показательна в этом отношении форма обращения к родителям. Письмо к ним из кадетского корпуса (1849) начинается словами: «Обладателю уважения и счастья и возвышающемуся великодушием и милосердием любезному батюшке и драгоценнейшей и непорочной матушке, чтимой нами наравне с достоуважаемой Каабой, посылаем многие и премногие салемы (знаки уважения. — *М. Ш.*) наши». Не менее цветасто приветствовали сына в ответном письме родители: «Вам — корочке нашего сердца, зрачку наших глаз, любезному, милому сыну нашему, лучшие наши благословения» [Валиханов, т. 4, с. 43, 88]. И даже первоначальная надпись на надгробной плите моего героя, предложенная туркестанским генерал-губернатором П. М. Кауфманом в 1871 г., выглядела следующим образом: «Султан Большой орды, ротмистр русской службы, Мухаммед Ханафия (Чокан) Чингисович Валиханов, скончался в 1864 г. Он любил Бога, был предан царю и занимался наукою. Господь рано призвал его к себе. Да успокоит аллах его душу вместе с праведными. Этот камень положен по приказанию туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана в 1871 году в память покойного, всеми любимого и уважаемого» [цит. по: Валиханов, т. 4, с. 525].

Ученый-востоковед Н. И. Веселовский сравнил Валиханова с блестящим метеором, который «промелькнул над нивой востоковедения, потомок ханов и в то же время офицер русской армии... Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд» [Веселовский, с. 500].

Во многом высочайший интеллектуальный потенциал моего героя был «раскрыт» и начал самореализацию благодаря его окружению. Большое влияние на него оказала бабушка Айганым, вдова хана Валия, сохранившая верность России, «в то время когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать, что хан Валий принял русское подданство» [Семенов-Тянь-Шанский, с. 72]. По свидетельству академика А. Х. Маргулана, «это была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом» [Маргулан, с. 11]. Она привила внуку интерес к казахскому фольклору и любовь к родному краю.

В 1847–1853 гг. Валиханов учился в Сибирском (Омском) кадетском корпусе, очень быстро преодолев языковой и культурологический барьеры («Жизнь в корпусе была соединена для Чокана с большой ломкой его степных привычек» [Потанин, 2005, с. 287]). Потанин отмечал, что «развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей», стал вожаком своего класса, «эскадронные кадеты немало были обязаны этому киргизскому аристократу с демократическими убеждениями». Когда ему «было 14–15 лет, кадетское начальство на него начало смотреть как на будущего исследователя и, может быть ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии» [Там же, с. 288, 292–293; см. также: Потанин, 1983, с. 50]. Большое воздействие на формирование мировоззрения и научного потенциала моего героя оказали преподаватели корпуса и образованные омские чиновники: выпускник восточного факультета Казанского университета Н. Ф. Костылецкий, историк Г. Ф. Гонсевский, переводчик с киргизского языка В. И. Дабшинский, полковник К. К. Гутковский, выпускник Казанского университета востоковед Сотников, учитель рисования Померанцев, а также их семьи.

В декабре 1853 г. выпущенный из кадетского корпуса Чокан производится в корнеты «по армейской кавалерии» и направляется для прохождения службы в Сибирское линейное казачье войско с прикомандированием к 6-му казачьему полку со штаб-квартирой в Семипалатинске. Через год он назначается адъютантом западносибирского генерал-губернатора и командира отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорда. А еще через год, в декабре 1855 г., последний представляет Валиханова к внеочередному званию поручика, аргументируя это тем, что он «хотя и состоит на службе не более 2 лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев он, сопровождая меня в киргизскую степь, принес большую пользу. При этом он, султан Валиханов, есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил на военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и чрез то большего сближения их с нами я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более что по происхождению своему он пользуется особым между киргизами уважением» [цит. по: Валиханов, т. 4, с. 334]. Как видим, принимались во внимание не только реальные заслуги, но и политические соображения.

И еще об одном знакомстве в Семипалатинске, определившем дальнейшую судьбу моего героя. В 1856 г. по пути в Семиречье город посетил тогда еще малоизвестный путешественник П. П. Семенов. Свои впечатления о молодом офицере он резюмировал следующим образом: «Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии уже в Петербурге, под моим влиянием, слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам... Само собой разумеется, что я почел долгом обратить на этого молодого талантливую

человека особенное внимание генерала Гасфорга и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировке Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар» [Семенов-Тянь-Шанский, с. 72–73].

Первые годы службы корнета совпали с активным продвижением русских на юг. В 1847 г. в предгорьях Джунгарского Алатау сооружается укрепление Копал, ставшее центром Алатавского округа и опорным пунктом колонизации Семиречья. В 1854 г. в урочище Алматы закладывается русское военное укрепление Заилийское, вскоре переименованное в Верное. В 1854 г. образуется Семипалатинская область, включающая Внутренний, Аягузский, Кокпектинский, Копальский и Алатавский округа. На сопредельной территории Цинская империя вступила в полосу системного кризиса, связанного с поражением в 1-й Опиумной войне. К тому же в 1847 г. в Кашгаре вспыхнуло восстание уйгуров. Поэтому, несмотря на протесты Пекина относительно строительства Копала и других русских укреплений в Семиречье, ничего конкретного против этого он не предпринял. Активное продвижение в районы, население которых (казахи и киргизы) китайцы считали своими вассалами, противодействия не встретило. В 1850 г. между Россией и Китаем подписывается Кульджинский трактат, согласно которому в Кульдже и Чугучаке открываются российские консульства и облегчается режим приграничной торговли.

В связи с основанием Верного Ч. Ч. Валиханов констатировал: «...С занятием на Сырдарье форта Перовский (Кзыл-Орда. — *М. Ш.*), а в Заилийском крае укрепления Верного Россия стала у самых ворот Средней Азии и положила краеугольные камни или межевые столбы, границы, долженствующие отделить владения империи от ханств, лежащих на юг этих двух пунктов» [Валиханов, т. 1, с. 223]. В 1856 г. по приглашению манапа бугинских киргизов Буромбая на южный берег Иссык-Куля направляется военно-научная экспедиция под командованием полковника М. М. Хоментовского, в которой участвовал Валиханов. В том же году он принимал участие в переговорах с китайскими властями в Кульдже по поводу нормализации российско-китайской торговли. Их результатом стал подробный дневник поездки российской делегации, составленный Валихановым.

Весной 1857 г. власть в Кашгаре захватил Валихан-Тюря. «В Петербурге решили выяснить прочность нового владения и возможность установления с ним торговых отношений. Для сбора информации решено было направить в этот город под видом азиатского купца Ч. Ч. Валиханова. В конце августа 1858 г. военный министр Н. О. Сухожанет предложил «командировать опытного и надежного человека в Кашгар для разузнания о ходе происшедшего там восстания». Предполагалось выяснить степень силы и важность выступления, а если новая власть упрочится и обратится к сибирским властям за помощью, то, «не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре», испросить «разрешение правительства на дальнейший ход этого дела» [Моисеев, с. 38].

Разведывательная миссия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар под видом семипалатинского купца Алимбая (июнь 1858 — апрель 1859), имевшая большое военно-стратегическое и научное значение, подробно описана в литературе. За свой

подвиг («в воздание отлично-усердной и ревностной службы вашей, оказанной при исполнении возложенного на вас осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями») он удостоивается внеочередного производства в чин штабс-ротмистра и премии в 500 руб. серебром. В представлении Г. Х. Гасфорда предлагалось наградить его орденом Св. Анны 3-й степени. В Петербурге сочли возможным пожаловать отличившемуся орден Св. Владимира 4-й степени, награду более высокую по статусу, дающую право на потомственное дворянство, которое его родители и родня безуспешно добивались. Характерно, что у Валиханова не оказалось 15 рублей для внесения в капитул ордена, их пришлось удержать из его жалованья. По представлению Чингиса золотыми медалями «За усердие» на Владимирской ленте были награждены семипалатинский купец Букаш и караван-баши Мусабай, оказавшие ему содействие в путешествии.

Конец 1850-х — начало 1860-х гг. становятся апофеозом известности Ч. Валиханова. Из Кашгара он привез ряд уникальных восточных рукописей. В это время были написаны наиболее важные научные работы: «О состоянии Алтышара или шести городов китайской провинции Нан-Лу», «Очерки Джунгарии», «Аблай», «Из Тарихи-Рашиди» и др. Для доклада о поездке, уточнения географических карт, написания отчетов Валиханова вызывают в Петербург, где его в июне 1860 г. прикомандировывают к Азиатскому департаменту МИД с оставлением по армейской кавалерии. Кроме того, его прикомандировали к Главному штабу для участия в составлении карт. При его участии были подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «План города Кульджи», «Карта Западного края Китайской империи» и др.

Получая значительное жалованье сразу из трех источников, а также переводы от отца, Чокан все средства тратил на богемную жизнь в столице. Как свидетельствовал Потанин, «на восточный факультет Чокан не заглядывал. Вставал он с постели в двенадцать часов, никогда ранее и, может быть, иногда позднее. Понятно, что для него посещение лекций было невозможно. Но на модных тогда лекциях Костомарова и некоторых других профессоров он появлялся. Вел жизнь в Петербурге веселую, участвовал в пикниках, на гуляньях, ездил в театр, водился с гвардейской молодежью и участвовал в ее кутежах. Он обыкновенно не пил, но мотал деньги на увеселения» [Потанин, 1968а, с. 303].

Первоначально все обстояло благополучно, и в письме к родителям от 9 августа 1860 г. он информировал их в духе Хлестакова: «За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Бываю я у них в гостях» [Валиханов, т. 4, с. 50]. На самом деле сырой петербургский климат обострил болезнь (чахотка), которая впервые проявилась в период обучения в Омске. По настоянию врачей в мае 1861 г. его командировуют на родину, «чтобы предоставить возможность лечения кумысом». Остановился он у отца в ауле Сырымбет Кокчетавского округа и в письме Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 г. сообщал: «...с моим здоровьем в Петербурге жить

постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам» [Там же, с. 62].

Валиханов принял участие в выборах султана Атбасарского округа и победил, но утвержден был другой. Данное обстоятельство свидетельствовало, что «его либеральные взгляды пришлись не ко двору тогдашней власти» [Ермекубаев, с. 19]. Но сохранился приказ западносибирского генерал-губернатора В. О. Дюгамеля, в котором утверждается в должности «по избранию киргизов Атбасарского округа хорунжий Ерден Сандыбаев — старшим султаном того же округа вместо штабс-ротмистра Чокана Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнью» [Валиханов, т. 4, с. 444]. Правда, тогда непонятно, почему он решил участвовать в выборах будучи больным? Может быть, уже после избрания произошло обострение болезни?

В апреле 1864 г. Валиханов приехал в Омск, но «по болезни не мог следовать далее в С.-Петербург». По ходатайству начальника Зачуйского отряда полковника М. Г. Черняева он был включен в его состав в качестве драгомана (переводчика). После завершения формирования часть 1 мая 1864 г. выступила из Верного, имея целью взятие кокандской крепости Аулие-Ате. До начала похода в киргизских аулах распространялась написанная Валихановым прокламация, призывающая родоначальником к конструктивному сотрудничеству с командованием. По его же совету Черняев пригласил к участию в экспедиции казахов и киргизских биев, которые должны были разбирать в пути тяжбы и претензии аборигенов. После успешного штурма крепости Валиханов в июне уехал из отряда в Верное. По этому поводу высказываются разные предположения.

Часть современников и исследователей (Г. Н. Потанин, А. Х. Маргулан, К. К. Абуев) считают, что Валиханов поссорился с Черняевым из-за жестоких и бесчеловечных действий чинов отряда по отношению к местным жителям [см.: Потанин, 1968а, с. 305; Маргулан, с. 86—87; Абуев, с. 30]. Хотя еще в 1983 г. И. И. Стрелкова опубликовала документ, из которого явствует, что 7 июня 1864 г. Черняев часть своего отряда, включая штабс-ротмистра Валиханова, приказал отправить обратно в Верное [см.: Стрелкова, с. 270]. О том, что не было ссоры, свидетельствует и представление начальника отряда о награждении отличившихся при штурме, среди которых упомянута фамилия Чокана. И несмотря ни на какие обстоятельства за месяц до смерти 10 марта 1865 г. он был произведен в ротмистры. Наконец, согласно уставам и традициям русского офицерского корпуса, офицер не мог покинуть свою часть из-за ссоры в условиях боевых действий и не получив соответствующего распоряжения.

Не было опалы и преследований в последние месяцы жизни. Валиханов, окончательно отойдя от службы и поселившись в ауле старшего султана рода албан Тезека, переписывается и выполняет поручения генерала Г. А. Колпаковского, отслеживает и оценивает перспективы восстания дунган на китайской территории. Только 17 января 1865 г. его отчислили из Азиатского департамента МИД в распоряжение командующего войсками Западной Сибири, а на

военной службе он находился до самой смерти 10 апреля 1865 г. Тем более абсурдным является утверждение о его убийстве [см.: Абуев, с. 29–30]. Оценивая его служебную карьеру, следует заметить, что за 11 лет офицерской службы Чокан Чингисович трижды получал вне очереди чины, полностью пройдя все ступеньки чинопроизводства обер-офицера.

Подводя итоги жизненному пути Ч. Ч. Валиханова, следует прежде всего отметить его вклад в отечественное востоковедение. «Ему принадлежит приоритет в постановке и разработке ряда узловых проблем истории тюркских народов Азии, — констатируют Р. Б. Сулейманов и В. А. Моисеев, — казахов, киргизов, уйгур и др., таких как проблема этногенеза, социальной структуры и политического положения, национально-освободительной борьбы против чужеземных завоевателей, роли ислама в жизни народов Средней Азии, Восточного Туркестана и Казахстана. Чокан Валиханов не только поставил, но и, несмотря на сравнительно невысокий уровень развития исторической науки вообще и знаний о тюркских народах этого региона Азии в частности, несовершенную методику исследований, узость источниковой базы, сумел дать в целом правильную оценку научным проблемам, гораздо более основательную, чем его современники» [Сулейманов, Моисеев, с. 107].

Территориальную экспансию и освоение Казахстана Россией, на мой взгляд, целесообразно описывать в рамках теории фронта, сформулированной Ф. Тернером применительно к США. По его мнению, американский фронт «резко отличается от европейского, представляющего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности». Он представляет полосу «наиболее эффективной американизации». Колонист «преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа». «Сначала фронтом было Атлантическое побережье. Оно было в самом реальном смысле границей Европы. Передвигаясь на запад, фронт все более и более становился американским» [Тернер, с. 14, 15, 16].

Применительно к российской колонизации под фронтом обычно понимается место или момент встречи двух культур разного уровня развития. Кроме того, фронт, на мой взгляд, подразумевает переселения, устанавливающие собственно границу, или *terra nullius* («ничейная земля»), между полноценными подданными — «цивилизованными» представителями метрополии и туземным населением, «иноходцами», которые постепенно становятся подданными, а их земли подлежат освоению (колонизации). Очень многое, а применительно к изучаемому региону фактически все зависело от позиции и участия государства. Российские власти, по справедливому замечанию Т. Г. Лерсаряна, «брали на себя функцию организации и поддержания “русского фронта” — границы геополитического пространства, на котором наиболее интенсивно осуществляется экспансия. Русский фронт значительно отличается от, скажем, фронта американского. Последний напоминает густое закрашивание фломастером того или иного участка; американский фронт — поглощающий. Русский фронт, огораживающее поле русского колониального действия — нечто вроде прочерченной карандашом пограничной полосы» [Лерсарян, с. 15].

Большое значение в организации русского фронта играли «агенты влияния», каковыми в конкретной ситуации выступали Ч. Ч. Валиханов и его русский друг Г. Н. Потанин. Не случайно единомышленник последнего, Н. М. Ядринцев заметил в отношении Чокана Чингисовича: «Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый коран его жизни» [Ядринцев, 1968, с. 576]. А выдающийся российский этнограф А. Н. Пыпин вторил ему: «Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления. Он увлекался движением шестидесятых годов. В религиозном отношении он был свободный мыслитель, но оставался мусульманином, чтобы не порывать связи со своим народом» [цит. по: Там же, с. 620].

-
- Абуев К. К.* Чокан Чингисович Валиханов: неизвестные страницы биографии // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005.
- Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1961–1968. с. 63.
- Веселовский Н. И.* Метеор (1904) // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
- Ермекбаев Ж. А.* Народы и культуры Евразии в научном наследии Ч. Ч. Валиханова // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск, 2005.
- Капунова Ф. З.* Вопросы историко-культурной концепции Сибири у Г. С. Батенькова (Батеньков как человек фронта) // Американский и сибирский фронт. Вып. 3. Томск, 1997.
- Капустин С. Я.* О Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1961–1968.
- Лерсарян Т. Г.* Бескрайняя равнина конца времен // Отеч. зап., 2002. № 3.
- Маргулан А. Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
- Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1968а.
- Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове // Потанин Г. Н. Избр. соч. в 3 т. Т. 2. Павлодар, 2005.
- Потанин Г. Н.* В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство, 1896, № 8.
- Потанин Г. Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
- Потанин Г. Н.* Чокан Валиханов // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968б.
- Селиверстов С. В., Кузгумбаева Ж. С.* Между западничеством и традиционализмом: эволюция общественных взглядов Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII — XX вв.). Омск, 2001.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 2010.
- Стрелкова И. И.* Валиханов. М., 1983.
- Сулейманов Р. Б., Моисеев В. А.* Чокан Валиханов — востоковед. Алма-Ата, 1985.
- Султангалиева Г.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII—XIX вв.) // Вестн. Европы. 2000. № 4.

Ядринцев Н. М. Воспоминания о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. Алма-Ата, 1968.

Ядринцев Н. М. Чокан Чингисович Валиханов (1866) // Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

Статья поступила в редакцию 27.09.2011 г.